

МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА И ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ВЛАСТИ В МУСУЛЬМАНСКИХ СТРАНАХ

Шухрат ЁВКОЧЕВ

*кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии,
международных отношений и права
Ташкентского государственного института востоковедения
(Ташкент, Узбекистан)*

Введение

Проблема власти и ее перехода относится в исламе к ключевым. Она напрямую связана с традиционными и базовыми ценностями национальной и религиозной идентичности, с реформами и демократией в современных мусульманских обществах.

Переход к новым демократическим методам и формам правления в традиционных обществах, каковыми остается большинство мусульманских стран, обычно протекает медленно и болезненно. В таких обществах традиционное мышление и менталитет населения, особенно у оседлых народов, трансформируются не столь быстро, как в свое время это происходило в западных странах. Однако нет сомнения в том, что в глобализирующемся мире эти процессы набирают силу и в политическом плане становятся необратимыми.

Ныне проявляются новые тенденции, определяющие степень вовлеченности региона в глобализацию. Но независимо от уровня трансформаций влияние духовной составляющей, где превалирующее значение имеют религиозные воззрения населения, не изменяется. Ислам во многом обуславливает культуру, обычаи, традиции, образ жизни, но самое главное — сложившуюся веками практику самоуправления жителей региона. Сегодня его значимость особенно возрастает, что отражается на формах и иных аспектах процесса демократизации, становления и расширения институтов гражданского общества, например через рост ННО, в том числе религиозных благотворительных обществ. Под воздействием передающихся из поколения в поколение нравственных и моральных устоев ислама формируется не только культурно-историческое мышление, но и но-

вый тип политического мышления, что способствует созданию основ гражданского общества.

Варианты смены режимов, отмечаемые сегодня в мусульманских странах, в том числе на Ближнем Востоке, обычно становятся своего рода образцом, их могут сымитировать элиты, в том числе в государствах Центральной Азии. Цель — плавный переход к более современным формам управления, сохраняя при этом

традиционные устои и преемственность власти. В этой связи, на наш взгляд, уместно рассмотреть данный вопрос на примере арабских государств Ближнего Востока, как наиболее близких по типу сложившихся в них общественно-политических отношений¹.

¹ См.: *Фадеева И.Л.* Концепция власти на Ближнем Востоке. Средневековье и новое время. 2-е изд. М.: Восточная литература РАН, 2001. С. 40.

О характере власти в Золотую эпоху² ислама

Пророк Мухаммед осуществлял, пока был жив, функцию связи между Аллахом и уммой, которая жила на основе переданного Пророком текста, содержащего окончательное Откровение (т.к. Мухаммед считается мусульманами «печатью пророков»). Пророк был не только проповедником, но и организатором жизни уммы. В Коране и Сунне содержатся и сугубо религиозные предписания, и принципы социально-политического устройства общины. Исходя из этого, исламские идеологи всегда подчеркивали нераздельность духовного и светского правления. «Теократический» характер правления Пророка и его первых преемников и сегодня служит для них идеалом построения общества на принципах ислама³.

В представлении мусульман после смерти Пророка прервалась связь между Аллахом и мусульманской общиной, что породило проблему преемственности власти. В ходе ожесточенной борьбы за нее⁴, сопровождавшейся конфликтом относительно толкования Корана и Сунны, сформировались различные ценностные установки сторон. Сунниты — сторонники первых трех халифов (Абу Бакра, Омара и Османа) — опирались на принцип выборности халифа, утверждая приоритетность мнения уммы как базовой ценности. Шииты — сторонники ‘Али ибн Аби Талиба, племянника и зятя Пророка, исходили из убеждения, что Пророк завещал ему исключительное право на верховную власть, то есть актуализировали другую (на то время вторую) парадигму преемственности власти от Посланника Аллаха. На основе этой идеи разрабатывалась концепция имамата. Шииты отвергли принцип выборности имама как главы мусульманской общины и государства, провозгласив, что верховная власть является наследственной в роду Алидов. Исходя из «божественной» природы имамата, шииты считают высшим авторитетом в религиозных и мирских делах законного имама — «наместника бога на земле», «врат», через которые можно приблизиться к Нему, наследника знаний пророка⁵. Третья группа — хариджиты — исходила из принципа «послушание Богу

² Под Золотой эпохой ислама мусульманами понимается период деятельности Пророка Мухаммеда и теократическое оформление первого исламского государства при четырех праведных халифах (Абу Бакра, Омара, Усмана и Али) (622—661 гг.).

³ Правда, часто к этой эпохе относят и правление его первых четырех преемников.

⁴ См.: *Фадеева И.Л.* Указ. соч. С. 46.

⁵ См.: *Аш-Шахрастани, Мухаммад Ибн Абд ал-Карим.* Книга о религиях и сектах / Пер. с араб., введение и комментарий С.М. Прозорова. М.: Наука (ГРВЛ), 1984. С. 220—221.

важнее послушания человеку», то есть основывалась на базовой ценности веры в Аллаха. Хариджиты сыграли значительную роль в разработке догматики, связанной с теорией халифата. В вопросе о верховной власти они противостояли как суннитам с их принципом условной выборности халифа, так и шиитам с их представлениями о наследственности и сакральности имамата⁶.

В течение всей последующей истории государственных образований, опиравшихся в своих идеологических построениях на политические, правовые и прочие ценности ислама, выбор форм власти и принципа ее передачи был сосредоточен на трех указанных политико-идеологических концептах⁷.

Политические процессы в современных арабских мусульманских странах

В настоящее время в мусульманских странах функционируют две формы власти: монархии (Марокко, Иордания, страны Персидского залива) и республики (Тунис, Египет, Алжир, Сирия, Ливан и др.), которые носят в той или иной степени авторитарный характер.

Исследователи этого вопроса отмечают, что еще в начале XX века большинство государств региона фактически представляли собой традиционные общества с рудиментарной политической системой, в которой господствовали феодально-сословные, династические, кастовые, клановые, а иногда и родовые политические формы и отношения, основанные на особой иерархии социального происхождения, религии, традиции⁸. Особенностью государств Ближнего Востока была низкая дифференциация политических институтов и их функций, их взаимосвязанность или интеграция с неполитическими социальными структурами — религией, культурой, ритуалами, традиционной моралью — а также слабое развитие индивидуального политического интереса и невысокая политическая активность индивида.

В странах с монархическим строем основным звеном политической структуры остается монарх вместе с правящей семьей, члены которой занимают важнейшие посты в правительстве и в государственном аппарате. Правящая семья с участием религиозных авторитетов решает вопросы преемственности власти.

В государствах республиканского типа глава государства — президент или революционный совет во главе с председателем — стержень политической структуры. Здесь правящие партии и общественные организации интегрируются с государством, особенно в условиях однопартийных режимов. В таких странах, как Тунис и Египет, демократические элементы — партийная политическая конкуренция и парламент — долгое время оставались лишь внешним антуражем, скрывающим авторитарность политической системы.

⁶ См.: *Прозоров С.М.* Ал-Хаваридж. В кн.: *Ислам: Энциклопедический словарь.* М.: Наука, 1991. С. 260; *Barrett D., Kurian G., Johnson T.* World Christian Encyclopedia. 2nd edition. A Comparative Survey of Churches and Religions in the Modern World. New York: Oxford University Press, 2001. 2 vols. 719 pp.

⁷ См.: *Оганесян Д.* Ценностная система ислама: начало пути // *Отечественные записки*, 2004, № 1 (16) [<http://www.religare.ru/article8821.htm>]

⁸ См.: *Герасина Л.Н.* Особенности политического развития государств азиатского мира в контексте глобалистской социологии политики. Харьков, 2001 [http://www.sociology.kharkov.ua/docs/chten_01/gerasina.doc].

Политические системы арабских стран имеют ряд общих черт, обусловленных спецификой их исторического развития. Как переходные системы они строились на синтезе традиционных и современных институтов и норм. Кроме того, из-за социально-экономической отсталости в ряде этих стран современные (для конкретного периода) демократические институты воспринимались, как правило, формально. Недостаточность социальной опоры компенсировалась авторитаризмом, централизацией и персонификацией государственной власти. В них велика роль харизматических лидеров и традиции сакральности власти⁹. Так, на принципе сакральности строится легитимизация власти правящих династий Иордании и Марокко, сейидов (*сādam*). Харизматическими чертами обладал ряд египетских правителей, начиная с Мухаммада-‘Али (1805—1849 гг.) и его внука, хедива Исма‘ила (1863—1883 гг.).

Однако демократическим идеалам и механизмам политической власти пытаются соответствовать многие государства современного мусульманского мира. Их политическая система постепенно реализуется в плюралистической модели: государство обладает ограниченными возможностями контроля над самостоятельными социальными группами, граждане все активнее и по собственной воле участвуют в политике, лидеры государства более близки к социуму, дифференциация материальных интересов и нравственных ценностей находит отражение в секуляризации политики и отделении религии от государства.

Тем не менее в названных странах эти процессы протекают неодинаково и достаточно болезненно, естественно, с новым оживлением (либо адаптацией) былых религиозных ценностей. Этот феномен обусловлен сохранением традиций ислама, норм шариата, которые формировали общественное сознание на протяжении многих веков. В период завоевания независимости и укрепления ее основ арабские лидеры получали значительные полномочия, которые не ограничивались функциями президентов, премьер-министров, политических и военных руководителей, а охватывали и роль «отцов нации», вождей национально-освободительных движений. Так, авторитаризм¹⁰ большинства арабских лидеров, пришедших к власти в эпоху обретения независимости, во многом объясняется подготовленностью общества к их восприятию в столь широкой роли, то есть конкретно-историческими предпосылками и психологической готовностью народа принять твердую авторитарную власть. Поэтому практически все ближневосточные государства, различаясь по формам правления, характеризуются сильной (харизматической) верховной властью, воспринимаемой обществом как вполне легитимный способ национально-государственного существования.

Смена власти и модернизация общества

В последние 10 лет процессы смены правящих элит и прихода к власти в странах Ближнего Востока молодого поколения лидеров стали более интенсивными. При этом с началом постепенных демократических перемен они ускоренно продвигаются с помощью внешних «рекомендаций», а также косвенного или прямого вмешательства извне во

⁹ См.: Pye L. W. *Asian Power and Politics: The Cultural Dimensions of Authority*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1985. 414 pp.

¹⁰ Некоторые западные авторы называют этот стиль правления диктатурой (см.: Rustow D. A. *Middle Eastern Political Systems*. Englewood Cliffs, New Jersey: The City University of New York, Prentice-Hall, Inc., 1971. P. 72—73).

внутриполитические процессы в арабских странах. Механизмы смены власти в этих странах приобрели еще большее значение для определения фундаментальных направлений их будущего развития.

Сегодня многие исследователи и политики признают то, что под влиянием менталитета и религиозных традиций народов Ближнего Востока обычная на Западе практика сменяемости власти через всеобщие выборы и наличие организованной оппозиции в арабских странах ведут к ослаблению централизованной власти, нередко и к расколу в армии или правящей партии (которые остаются в арабских странах символом национального суверенитета), следовательно, к возможной дестабилизации политического пространства.

В этой связи процессы смены власти в арабском мире по-прежнему протекают в основном на основе традиционных механизмов, хотя нередко сопровождаются возникновением внутриполитических кризисов. Одной из главных проблем здесь, вероятно, остается противоречие между «незыблемостью государственных устоев», с одной стороны, и внутренней эволюцией общества и правящих режимов — с другой. А это ведет к пересмотру и реформированию прежних политических структур и идеологии.

В целом лидеры арабских государств (президенты Египта — Х. Мубарак, Йемена — А. Салех, Ливии — М. Каддафи) значительно старше руководителей других стран мира. В частности, Х. Мубарак на президентских выборах 2005 года начал активно и успешно разрабатывать имидж президента-реформатора, который в возрасте 77 лет, после 24 лет правления решил продолжить в стране коренные преобразования. Вместе с таким новым имиджем, под лозунгом «Мубарак-2005: лидерство и переход в будущее» формировался его современный и энергичный стиль. Однако более интенсивное движение к реформам и либерализации общественной жизни неизбежно сопровождается на первом этапе ростом внутриполитической нестабильности, что обуславливается осторожным, зачастую и «архаичным» подходом лидеров арабских государств к изменению принципов политической преемственности, составляющих основу традиционной политической культуры.

Традиционно власть в этих странах основывалась на праве влиятельной семьи или группы лиц, объединившихся вокруг сильной личности. До революции 1952 года в Египте правили выходцы из династии Мухаммада-‘Али, пришедшего к власти в 1805—1806 годах¹¹.

В Саудовской Аравии — абсолютной монархии — власть контролируется кланом ас-Сауд, происходящим от одного из крупнейших арабских племен Энизах. Клан Саудитов с его ответвлениями стал «господствующим племенем». Ключевую роль в государственном устройстве страны играют семейные связи. Это предопределило наследственный механизм передачи власти в арабских странах либо приход к ней путем переворотов¹².

Реформы, проходившие в арабских странах в 1970—1980-х годах, практически устранили угрозу новых военных переворотов и ознаменовали длительный период стабильности власти. Но отсутствие глубоких преобразований привело к тому, что авторитарная практика в руководстве надолго сохранилась в неизменном виде, выполняя функцию поддержания политической стабильности. Внимания заслуживает и опыт других арабских лидеров по решению вопросов преемственности власти, в условиях геополитических изменений на Ближнем Востоке и в мире в целом, особенно после начала войны в Ираке в 2003 году и инициирования США «трансформационной стратегии» в регионе. Интерес представляет, в

¹¹ См.: *Rustow D.A.* Op. cit. P. 47—49.

¹² Исследователи указывают, что в 1952—1986 годах в арабских странах было около 30 военных переворотов. Приблизительно в тот же период (1951—1991 гг.) жертвами борьбы за преемственность власти стали 14 лидеров (Абдалла Бен Хусейн в Иордании, Мухаммед Будияф в Алжире и др.) (см.: *Ахмедов В.М.* Ближний Восток: проблема смены власти и осуществления реформ. Сирийский опыт. М.: Институт Ближнего Востока. 16 января 2005 года [http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html]).

частности, политика и практика государственного менеджмента, осуществляемые в Сирии президентом Б. Асадом. Исследователи отмечают, что политические институты в этой стране глубоко эшелонированы в структуру общества, государство монопольно обладает всеми законными средствами поддержания внутренней стабильности и порядка¹³. Оппозиционные силы отвергают насилие как средство достижения политических целей и готовы на основе диалога с властью поддержать ее программу постепенного перехода к демократии. Президентские планы реформ поддерживает значительная часть общества.

Вместе с тем в последние годы в руководстве страны признают необходимость демократических реформ, в том числе в связи с крайне неблагоприятными внешними факторами, с которыми столкнулось политическое руководство САР во главе с Б. Асадом. Став президентом (июль 2000 г.), он сумел выстроить свою достаточно прочную систему политической власти. Однако в сирийских правящих кругах и за рубежом Б. Асада преимущественно рассматривают как преемника своего отца — Х. Асада, создавшего сильное авторитарное государство. Даже в ближайшем окружении Б. Асада много советников из числа соратников его отца. В связи с этим ему приходится доказывать свою силу и способность к управлению государством, что у него достаточно успешно получается. Так, ему удалось омолодить политическую элиту, расширить базу поддержки со стороны правящей партии, госаппарата и силовых структур. Наряду с этим в рамках стратегии по углублению демократических реформ он смог наполнить реальным содержанием работу номинальных прежде структур: парламента, общественных организаций, профсоюзов.

Б. Асад (как и президент АРЕ Х. Мубарак) придерживается концепции «преемственность ради реформ», которая заключается в постепенных политических и экономических преобразованиях в рамках прежней системы. Это позволяет поддерживать баланс сил во влиятельной правящей элите и избегать социальных потрясений. Тому же способствует и сохранившееся у подавляющего большинства населения страны уважение к наследию арабского национализма Х. Асада и длительной политической стабильности созданного им режима.

Однако идея «преемственность ради реформ» перестает быть абсолютно незыблемой, так как в обществе зреют оппозиционные силы, политические устремления и амбиции которых наталкиваются на замкнутый характер власти и отсутствие доступа к ее ресурсам.

Одной из главных угроз для традиционных ближневосточных элит остается исламистская оппозиция. Например, в связи с популярностью у молодых избирателей Египта такой структуры, как «Братья-мусульмане» местным властям будет отнюдь не легко аргументировать возможное выдвижение на пост следующего президента АРЕ сына Х. Мубарака, 43-летнего Гамала Мубарака, лишь на основании отсутствия сильной альтернативы его кандидатуре. Подъем влияния «Братьев-мусульман» стал напрямую угрожать политическим амбициям Г. Мубарака, так как провал на выборах большинства его соратников из «молодой гвардии» Национально-демократической партии поднял в реформаторском крыле правящей партии вопрос о необходимости создания новой политической партии, не имеющей отношения к Мубараку-младшему.

Демократическая или исламская альтернатива

Еще одной движущей политической силой, активно включившейся в борьбу за власть в мусульманских странах на волне демократических процессов в последнюю четверть века, стал так называемый «параллельный исламский сектор».

¹³ См.: Ахмедов В.М. Указ. соч.

Некоторые арабские исследователи отмечают, что как следствие возвращения к религии исламизм глубоко проник в быт населения, оказав влияние на стандарты поведения. Он развился в особую систему символов и признаков исламской идентичности, что нашло выражение в устройстве быта, выборе одежды, исполнении ритуалов, в брачных традициях, определении роли женщин в семье, а также в сферах коммерции, образования, воспитания¹⁴. В частности, в качестве «национального дресс-кода» арабских женщин ныне широко распространены *хиджаб* и *никаб*, ношение которых обосновывалось обеспечением «личной свободы» граждан. В общественном транспорте, местах торговли и отдыха популярную музыку сменила трансляция молитв и проповедей; владельцев жилых домов, оборудовавших в подвальных помещениях комнаты для молитв, оснащенные микрофонами, освобождали от части налогов на имущество.

Профессиональные союзы и общественные организации, в которых преобладали исламисты, превратились в своего рода «форумы», где нередко пропагандировали исламистские и антизападные ценности¹⁵. Упомянутая нами выше организация «Братья-мусульмане»¹⁶ и другие исламистские группы активно занялись решением вопросов улучшения социальных условий, особенно в таких сферах, как здравоохранение, образование, благотворительность. Они взяли «шефство» над школами, больницами, центрами по профессиональной подготовке и другими учреждениями, разработали и внедрили в общественную систему программы по изучению Корана, подготовке специалистов и др. Члены исламистских организаций все больше вовлекаются в «капиталистическое производство», это заводы и фабрики, инвестиционные компании, сельскохозяйственные предприятия¹⁷.

Наиболее показательная в этом плане страна — Египет. К примеру, здесь в последней четверти XX века началось активное становление так называемого «параллельного исламского сектора». Возникшие в стране учреждения, относящиеся к нему, можно разделить на три категории:

- 1) частные мечети;
- 2) исламские общественные организации — благотворительные, культурные и просветительские общества, школы, медицинские учреждения и др.;
- 3) исламские коммерческие предприятия — банки, инвестиционные компании, производственные предприятия, издательские дома и др.

Одной из самых ярких тенденций институционального развития Египта в 1970—1980-х годах был беспрецедентный рост количества частных мечетей. В отличие от государственных (*хукумийа*), которыми управляют правительственные фонды и где работают назначенные властями имамы, частные (*ахлийа*) мечети — это самоорганизующиеся институты, созданные на средства личных пожертвований и укомплектованные имамами, которых выбирают члены местной общины. Согласно некоторым данным, число частных мечетей в Египте возросло с 20 тыс. в 1970 году до более чем 46 тыс. в 1981-м, а в 1991-м в стране действовала 91 тыс. мечетей, включая 45 тыс. частных и 10 тыс. *завийа*.

В декабре 1992 года египетский журнал «Ахир са'а» насчитал 60 тыс. частных мечетей в стране, по другим данным, их было еще больше. Так, по информации одной пра-

¹⁴ См.: The State of Religion in Egypt Report / Ed. by Abdel-Fattah Nabil, Rashwan Diaa. Cairo: Centre for Political and Strategic Studies, 1995—1997. P. 5—6.

¹⁵ См.: Wickham C.R. From the Periphery to the Center. The Islamic Trend in Egypt's Professional Associations. В кн.: Mobilizing Islam. Religion, Activism, and Political Change in Egypt. N.Y.: Columbia University Press, 2002. P. 176—183.

¹⁶ Основана в 1928 году школьным учителем Хасаном ал-Банной в г. Исмаилия (Египет).

¹⁷ См.: Sullivan D.J., Sana A.-K. Islam in Contemporary Egypt. Civil Society vs. the State. London: Boulder, Lynne Rienner Publishers, 1999. P. 22.

воохранительной организации, в 1993 году в Египте функционировали 170 тыс. мечетей, из них только 30 тыс. контролировало государство¹⁸.

Главным источником финансирования новых частных мечетей в начальный период стали добровольные пожертвования отдельных лиц, собранные посредством системы *закят*, а также финансовая помощь правительственных и частных фондов в странах Персидского залива. Распространение частных мечетей поощрялось законодательством, согласно которому любое здание, где располагалась мечеть, считалось религиозным объектом и освобождалось от налогов. Строительные компании и инвесторы получили серьезный стимул для возведения новых «мечетей», которые на самом деле нередко представляли собой небольшие моленные комнаты (*завийа*), расположенные на первых этажах или в подвальных помещениях новых зданий.

Кроме того, параллельный исламский сектор включил в себя тысячи полунезависимых **религиозных некоммерческих организаций** — *джамии'ат*. Рост их численности можно рассматривать как часть широкого распространения неправительственных организаций (НПО) в Египте в эпоху Х. Мубарака¹⁹. При этом в отношении данных ассоциаций термин «НПО» представляется не совсем правильным, так как в Египте учреждения неправительственного сектора подлежат государственному контролю.

Согласно законам № 32 от 1964 года и № 64 от 2002 года, все частные и гражданские ассоциации в стране регулируются Министерством социальных дел. Закон гласит, что все они должны получить в Министерстве лицензию на осуществление деятельности в стране. Кроме того, при необходимости Министерство имеет право вмешаться в деятельность НПО; в частности, от имени государства может назначать членов правления организации, требовать от них письменных отчетов о своей работе, контролировать финансовые источники и техническое оснащение НПО на основании необходимости поддерживать общий порядок и надлежащее поведение субъектов неправительственного сектора. Однако религиозные некоммерческие организации, о которых идет речь, не всегда и далеко не во всем охвачены государственным контролем.

Некоторые исследователи отмечают, что общее число неправительственных (частных) некоммерческих организаций (ННО) в Египте в начале 1990-х годов составляло от 14 до 15 тыс., хотя, по некоторым данным, их насчитывалось 30 тыс.²⁰ С. Бен-Нефиса утверждает, что их было 11 360, из них 27,6% относились к исламским. По данным исследовательницы, в 1990 году в стране действовали более 3 тыс. исламских ННО²¹. Однако уже в 1994 году Саад ад-Дин Ибрахим²² утверждал, что их было 8 тыс.

К указанному времени исламские ННО уже играли главную роль в общественной жизни Египта. Некоторые религиозные организации сохранили традиционную сферу деятельности, помогали верующим в организации *хаджа*, обеспечивали нуждающиеся семьи благотворительной помощью, содействовали обновлению и благоустройству местных мечетей и др. Другие ННО предоставляли населению социальные услуги

¹⁸ См.: The Middle East Watch. Third World Traveler [http://www.thirdworldtraveler.com/ Middle_East/ Middle_EastWatch.html].

¹⁹ См.: *Al Sayyid M.K.* A Civil Society in Egypt. В кн.: Civil Society in the Middle East? / Ed. by A.R. Norton. Vol. 1. Leiden: E.J. Brill, 1995. 300 pp.

²⁰ См.: *Wickham C.R.* The Parallel Islamic Sector. В кн.: Mobilizing Islam. Religion, Activism, and Political Change in Egypt. P. 99.

²¹ См.: *Ben-Néfissa S.* NGOs, Governance and Development in the Arab World // Management of Social Transformations—MOST. Discussion Paper, 2000, No. 46 [http://www.unesco.org/most /nefissae.htm]; *Revel M., Roca P.J.* Les ONG et la question du changement. В кн.: *Deler J.P., Fauré Y.A., Roca P.J.* ONG et développement. Paris: Karthala, 1998. 221 pp.

²² См.: Egyptian-American Human Rights Activist Saad Eddin Ibrahim Receiving Second Trial for Receiving Unauthorized Foreign Donations and Embezzling // High Beam Research, 20 May 2002 [http://www.highbeam.com/doc/1P1-53105022.html].

в сфере здравоохранения, в образовании, просвещении, трудоустройстве. В некоторых случаях они ориентировались на другие местные нужды. Однако многие исламские ННО представляли собой хорошо оснащенные национальные организации с филиалами во многих городах и деревнях. Одной из таких известных организаций была «ал-Джам‘ийя аш-шар‘ийя», имевшая филиалы во всех 26 провинциях, причем только в Каире — 123.

Хотя информация о финансовых источниках исламского сектора недостаточно хорошо изучена, некоторые тенденции очевидны. Многие исламские ННО, действовавшие под эгидой мечетей или религиозных фондов (вакфов), имели доступ к благотворительным средствам, которые собирали и распределяли вне государственного надзора. Доступ к таким источникам позволял этим ННО обходить закон № 32, ограничивающий возможность «независимого сбора средств». Таким образом, исламские ННО имели больше возможностей в финансовой сфере, чем нерелигиозные неправительственные организации.

Некоторые исламские ННО получали поддержку и от богатых спонсоров из стран Персидского залива. Например, современный госпиталь, относящийся к Обществу Мустафы Махмуда в Каире, построен на деньги благотворителя из Саудовской Аравии, тесно связанного с учредителем этой египетской организации. Кроме того, эти ННО получали финансовую помощь от исламских инвестиционных компаний и банков, помогавших собирать и распределять *закят*. Как отмечает С. Бен-Нефиса, с помощью 4 500 комитетов по сбору *закята* в 1991 году Банк социальных услуг им. Насера собрал и распределил около 21 млн египетских фунтов среди исламских ННО, включая детские центры и медицинские учреждения²³. К тому же исламские ассоциации занялись самофинансированием. Это относится ко многим больницам и госпиталям страны, которые, как отмечают наблюдатели, отличаются от большинства государственных медицинских учреждений строгим порядком и современным техническим оснащением. При этом они оказывают намного более дешевые платные услуги населению, в некоторых случаях накопленные ими средства шли на субсидирование религиозной и другой общественной деятельности.

Параллельный исламский сектор включает в себя и коммерческие предприятия, занятые в банковской сфере, строительстве, производстве и торговле. Исламский финансовый сектор состоит из исламских банков и компаний. По некоторым оценкам, в середине 1980-х годов общие активы этих учреждений достигали 16 млрд египетских фунтов. Этот сектор также включал такие крупные исламские производственные конгломераты, как «ар-Райан» и «ас-Са‘ад», инвестировавшие капитал в стратегические отрасли: пищевую промышленность и строительство жилых объектов, на поддержку тесных связей с правительственными кругами. Эти фирмы могли предоставлять финансовую и техническую поддержку исламским ННО, вовлеченным в непосредственную работу с широкими слоями населения.

Исламские фирмы становятся более активными в производстве культурной и интеллектуальной продукции. Их издательские дома, книжные магазины и библиотеки стали процветать в 1980—1990-х годах. Сосредоточенные в крупных городах издательские дома «ад-Дар ал-ислами ли-т-тавзи‘ ва-н-нашр», «Дар аш-шурук», «Дар ал-вафа’» и «Дар ал-‘итизам» публиковали религиозную литературу, в том числе комментарии к Корану и хадисам, книги о религиозной практике и догматике, очерки истории исламского движения в Египте и за рубежом, речи и эссе мусульманских идеологов, труды богословов и брошюры из области *да‘ва*.

²³ См.: Ben-Néfissa S.P. Op. cit.

Организации, относившиеся к исламскому параллельному сектору, нельзя считать политическими в узком смысле этого слова. Они не пропагандировали определенную политическую программу и не участвовали в политической борьбе. Более того, египтяне, занятые в этой сфере общественной жизни, обычно утверждали, что они не имеют ничего общего с политикой, а лишь занимаются просвещением мусульман в области их прав и в сфере религиозного долга.

Тем не менее в 1980—1990-х годах учреждения исламского параллельного сектора прежде всего способствовали не демократическим преобразованиям, а скорее «исламистской мобилизации населения». Во-первых, они обеспечивали финансовой и технической поддержкой исламистские группы с политической «повесткой дня», включая исламистские студенческие организации (*джамат*), «Братьев-мусульман» и другие подпольные радикальные религиозные группировки. Во-вторых, они создавали условия для идеологической обработки населения, создания сети «независимых» религиозно-политических активистов и расширения базы вовлеченных в политику исламистских организаций.

Заключение

Итак, во многих арабских странах мусульманского мира еще далеко не завершен процесс укрепления государственности, продолжается обновление и модернизация политических систем.

Основной отличительной чертой в вопросе преемственности власти на Ближнем Востоке, как и в других исламских странах, остается неделимость функций управления, централизованная иерархическая система власти, схожие стереотипы коллективного мышления, скорее легитимирующие такую форму государственного управления. Таким образом, многие эти режимы имеют общую тенденцию к авторитаризму, в основе которой лежит стремление сохранить патриархальные принципы власти и ее смены. Это находит выражение в усиленном контроле над политическими партиями и патронаже общественных организаций.

Вместе с тем сильная централизация власти, например в Египте и Тунисе, фактически не дают оппозиционным силам широких возможностей для политической конкуренции и доступа к ресурсам власти. Попытки либерализации политических режимов в таких странах путем включения в данный процесс антиправительственных сил и движений, как правило, приводят к возникновению прямых рисков как для правящих элит, так и для общественного согласия и единства. В Египте привлечение исламистской оппозиции в легальную политическую сферу уже неоднократно приводило к опасным последствиям, в частности к покушению на жизнь президента Г.А. Насера и убийству президента А. Саадата. В Тунисе Х. Бургиба утратил власть в результате государственного переворота, организованного силами, опасавшимися прихода к власти радикальных исламистов.

Немаловажен и фактор медленно изменяющегося менталитета большинства населения и восприятия им власти вообще, что отличается, как было отмечено, рядом особенностей в обществах с подавляющим большинством мусульманского населения. Этот менталитет во многом связан с приверженностью к традиции, в том числе с укорененным пониманием функций власти и ее преемственности.

Таким образом, вопрос преемственности власти остается одним из сложных и краеугольных, поскольку он связан с более сильными «охранительными» механизмами, направленными на обеспечение стабильности существующих режимов, а также из-за уязвимости большинства стран перед воздействием внешних факторов: деструктивных

транснациональных радикальных движений, амбиций региональных сил и политики мировых держав. Исходя из этого, переход к наиболее современным механизмам управления в арабских странах мусульманского мира продолжается уже значительное время, но с более медленной динамикой, чем это отмечалось в западных странах.
